

УДК 343.97

DOI: 10.35750/2713-0622-2023-3-346-361

Феномен коррупции в социальной матрице современного общества

Елена Викторовна Стебенева

Санкт-Петербургский университет МВД России

(Санкт-Петербург, Россия)

st.el@list.ru

ORCID: 0000-0002-3659-3595

Аннотация

Предпринята попытка осмысления феномена коррупции через совокупность различных научных подходов и ее место в социальной системе современного общества (социальной матрице), что вызвано необходимостью познания природы данного явления, его роли в социальных механизмах и трансформациях и, как следствие, определения направления противодействия коррупционным деяниям.

Введение. Изучение коррупции как социокультурного феномена в матрице современного общества через совокупность различных подходов к его исследованию (правового, девиантологического, экономического, психологического, социокультурного) предопределено проблемой понимания эпистемологии изучаемого явления, что непосредственно оказывает влияние на эффективность антикоррупционного воздействия и качественное содержание механизма противодействия коррупционным проявлениям.

Цель: анализ коррупции как социального феномена с позиций различных научных подходов в условиях формирования, трансформации общественных отношений и институтов и представление авторского понимания содержания и сущности данного явления.

Методология, методы и методика. Основу проведенного исследования составил диалектический метод в совокупности с иными общенаучными методами: логико-эпистемологическим, гносеологическим; рационалистической дедукцией, анализом, сравнением и др.; и специальными методами научного познания – правовым, социологическим и т. д.

Результаты: осуществлен анализ научных взглядов на содержание и сущность коррупции как негативного феномена и его место в социальной матрице современного общества: предложены основные направления противодействия коррупции через принятие социальными институтами соответствующих мер.

Научная новизна. Представленный в статье дискурс мнений ученых на коррупцию как феномен и неизбежную составляющую всех социальных институтов, обоснованная авторская позиция определения сущности коррупции как социокультурного феномена вносят вклад в фундаментальное знание о рассматриваемом явлении и его роли в развитии, трансформации общественных отношений и иных явлений.

Практическая значимость: результаты исследования направлены на дополнение существующего научного знания о коррупции, что формирует теоретико-прикладные основы противодействия данному негативному социальному явлению в современном обществе.

Ключевые слова

феномен коррупции, социальная матрица, общественные институты, общество потребления, противодействие коррупции

Благодарности

Выражаю благодарность доктору юридических наук, профессору, заслуженному юристу РФ Максиму Викторовичу Бавсуну за помощь, поддержку и взаимное научное сотрудничество.

Для цитирования: Стебенева, Е. В. (2023). Феномен коррупции в социальной матрице современного общества. *Российский девиантологический журнал*, 3 (3), 335–350. doi: 10.35750/2713-0622-2023-3-346-361.

Original paper

The phenomenon of corruption in the social matrix of modern society

Elena V. Stebeneva

Saint Petersburg University of the MIA of Russia
(Saint Petersburg, Russia)
st.el@list.ru

ORCID: 0000-0002-3659-3595

Abstract

The article deals with the attempt to comprehend the phenomenon of corruption through a set of different scientific approaches and its place in the social system of modern society (social matrix). The research is based on the necessity to understand the nature of this phenomenon, its role in social mechanisms and transformations and, as a result, to determine the direction of counteraction to corruption acts.

Introduction: The study of corruption as a socio-cultural phenomenon in the matrix of modern society through a set of different approaches (legal, deviantological, economic, psychological, socio-cultural) is predetermined by the problem of understanding the epistemology of the phenomenon under consideration. This directly affects the effectiveness of anti-corruption efforts and the qualitative content of the mechanism for counteracting corruption behaviour.

Purpose: analysis of corruption as a social phenomenon from the perspective of various scientific approaches in the conditions of formation and transformation of social relations and institutions and presentation of the author's understanding of the content and essence of this phenomenon.

Methodology, methods and techniques. The research was based on the dialectical method in combination with other general scientific methods: logical-epistemological, epistemological, epistemological, rationalistic deduction, analysis, comparison, etc., as well as special methods of scientific cognition - legal, sociological, etc.

Results: scientific views on the content and essence of corruption as a negative phenomenon and its place in the social matrix of modern society were analysed: the main directions of counteracting corruption through the adoption of appropriate measures by social institutions were proposed.

Scientific novelty: the scientists' viewpoints on corruption as a phenomenon and an inevitable component of all social institutions, as well as the author's substantiated position of defining the essence of corruption as a socio-cultural phenomenon contribute to the fundamental knowledge of the phenomenon under consideration and its role in developing and transforming social relations and other phenomena.

Practical significance: the results of the research are aimed at supplementing the existing scientific knowledge about corruption, forming a theoretical and applied basis for counteracting this negative social phenomenon in modern society.

Keywords

corruption phenomenon, social matrix, social institutions, consumer society, counteraction to corruption

Acknowledgements

I express my gratitude to Maxim Viktorovich Bavsun, doctor of law, professor, honored lawyer of the Russian Federation, for his help, support and mutual scientific cooperation.

For citation: Stebeneva, E. V. (2023). The phenomenon of corruption in the social matrix of modern society. *Russian Journal of Deviant Behavior*, 3 (3), 335–350. doi: 10.35750/2713-0622-2023-3-346-361.

Введение

Современный этап развития общества (постиндустриальный, этап постмодерна и т. п.) характеризуется интенсивным развитием экономики, инновационных технологий; появлением новейших направлений

в науке и технике (биоинженерия, искусственный интеллект и др.), что определяет вектор от сырьевого к высокотехнологическому при производстве товаров и услуг. При этом отмечается увеличение доли сферы услуг в экономике; приоритетность производственно-

потребительских отношений, что стимулирует стремление к улучшению материального благосостояния и приводит не только к позитивным процессам, но и деструктивным – усиливающейся тенденции к потреблению. Это обуславливает спрос на все виды услуг, в том числе в криминальной сфере, тем самым определяя криминогенный потенциал современного общества, реализующийся именно в корыстных преступлениях (как впрочем, и иных правонарушениях) (Мельничук, 2013). Об этом свидетельствуют статистические данные о совершении ежегодно преобладающего большинства общественно опасных деяний с указанным мотивом.

”

Стремление к улучшению материального благосостояния приводит не только к позитивным процессам, но и деструктивным – усиливающейся тенденции к потреблению, и одним из наглядных примеров проявления незаконного спроса и предложения выступает коррупция

“

Примером проявления незаконного спроса и предложения выступает коррупция. Коррупция, являясь сложным, многоаспектным социокультурным феноменом, оказывая отрицательное воздействие на основы государства, затрагивая все сферы экономики и общества, вызывая тем самым деструкцию политического управления, публичных институтов, обостряя социальные противоречия и напряженность, трансформируется, видоизменяется одновременно с протекающими социальными процессами, преобразованиями в жизнедеятельности людей.

Общество следует оценивать не как сумму элементов-личностей, а как цельную систему-организм со своей инвариантной относительно личностного наполнения социальной матрицей, которая является структурной основой любого социума – от семьи до человечества (Сухонос, 2014).

Социальная матрица (основа) сложна и многогранна, постоянно изменяется, преобразуется и содержит в себе социальные институты, отношения, коммуни-

кации, материнской платой которых является социум, служащий основой построения общественных систем, моделей поведения, стереотипов мышления, взглядов, идей. Социальная матрица вбирает в себя все традиции, обычаи, культуру и т. п., сложившиеся на протяжении своего существования, что обуславливает ее построение, определяет принципы функционирования, управления, обеспечения общества. Происходящие процессы в обществе поддаются исчислению, измерению, сравнению, чему служит социальная статистика и иные виды статистики. Это, в свою очередь, позволяет использовать матричные математические схемы для моделирования и прогнозирования в дальнейшем построения социальной матрицы.

Общественная матрица является носителем различного капитала, вид которого зависит от области его образования, трансформации и реализации. Пьер Бурдьё определил данные виды как социальный (характеризуется социальными связями), экономический (измеряемый деньгами и институализирующийся в праве собственности), культурный (институционализирован в форме образовательных квалификаций) капиталы (Bourdieu, 1986) (прим. автора. – Гэри Стэнли Бэккер, говоря об инвестициях в образование, профессиональную подготовку, речь вел о капитале человеческого (Becker, 2009)).

Рассмотрение общественного устройства через осмысление его как социальной матрицы не ново. Данному подходу уделялось внимание в отдельных работах ученых. Например, Т. Стронг и Э. Лок (Стронг, Лок, 2021) применили социальное конструирование при изучении социальной матрицы, рассматривая его в качестве парадигмы социальных и гуманитарных наук с учетом психологического подхода. С. И. Сухонос исследует матрицу социального развития как живой организм, применяя авторский метод классификации и измерения всех явлений, системное построение общества на основе принципов Инь-Янь (Сухонос, 2014). В работе А. С. Овчинского, С. О. Чеботаревой раскрывается матрица преступности на основе теории информации (Овчинский, Чеботарева, 2008) и др.

Осмысление такого негативного явления, как коррупция, через понимание социальной матрицы способствует выявлению не только механизма зарождения данного феномена, но и механизма его трансформации, внедрения во все социальные структуры и участия в любых общественных отношениях, где так или иначе присутствует заинтересованность, реализуемая либо одной стороной (сторонами) получить выгоду от другой стороны (сторон), обладающей определенными полномочиями, правами, либо единоличная, путем доступа к ресурсам, способность удовлетворить корыстную потребность незаконным путем.

Тезис «ничто не лишено коррупции» имеет право на существование, если речь идет об общественном

устройстве, так как в любой сфере присутствует коррупционная составляющая или имеется возможность ее проявления (коррупционный риск). Мы не преувеличим, если будем утверждать, что коррупция пронизывает всю социальную матрицу в разнообразии своих видов, начиная от взяточничества должностных лиц и заканчивая родственными, близкими отношениями при возникшем конфликте интересов.

Коррупция – неотъемлемая часть общественного существования, она встраивается в социальную матрицу и связана со всеми ее институтами. Любые изменения в общественных отношениях влекут криминологическую трансформацию коррупции через появление ее разнообразных видов и форм совершения (использование для совершения коррупционных деяний информационно-коммуникационной сети, применение цифровых денег и др.).

Цель исследования обозначена в виде анализа коррупции как социального феномена с позиций различных научных подходов в условиях формирования, трансформации общественных отношений и институтов и представления авторского понимания содержания и сущности данного явления, что обусловлено существующей проблемой недостаточного эффективного противодействия данному явлению и актуализацией понимания его природы для разработки и применения действенных мер предупреждения.

Объектом исследования является коррупция как негативное явление и ее место в социальной матрице современного общества.

В качестве предмета исследования выступили концепции, теории, взгляды ученых на содержание, сущность коррупции как социального явления; нормативные правовые акты, включающие определение коррупции; социальные институты как элементы социальной матрицы современного общества.

Обзор литературы

В исследовании использованы работы российских и зарубежных ученых о социальном устройстве современного общества, коррупции как его неотъемлемой части. Особое внимание уделено источникам литературы, раскрывающим правовой, девиантологический, экономический, психологический, культурологический подходы к пониманию коррупции как феномена современного общества. Также использованы отдельные нормативные правовые акты, регламентирующие содержание понятия коррупции и коррупционных деяний; противодействие коррупции.

Методология, методы и материалы исследования

Использованные при исследовании общенаучные методы, такие как диалектический, логико-эпистемологический, гносеологический, послужили форми-

рованию понимания существующих взглядов на коррупцию как социальное явление, его содержание, сущность и природу не только с учетом уже устоявшихся мнений ученых, но и авторского видения феномена коррупции как социокультурного явления и его места в социальной матрице. Метод рационалистической дедукции послужил основой критического подхода при анализе существующих научных взглядов на существование коррупции и обоснование авторской позиции. Метод правовой оценки применялся при анализе понятия «коррупция»; социологический метод позволил использовать социологические теории с учетом результатов социологических исследований в выведении авторской позиции.

”

Осмысление такого негативного явления, как коррупция, через понимание социальной матрицы способствует выявлению не только механизма зарождения данного феномена, но и механизма его трансформации, внедрения во все социальные структуры и участие в любых общественных отношениях

“

Результаты исследования

Анализ основных мнений, подходов в понимании феномена коррупции и ее роли в существовании различных отношений, трансформаций, институтов, составляющих социальную матрицу современного общества, лег в обоснование автором позиции определения коррупции как социокультурного феномена, что предопределило необходимость усиления культуры позитивными ценностями, установками как основой идеологии антикоррупционного воздействия в противовес существующей идеологии потребления. В свою очередь, социальные, политические, экономические институты, институт семьи и образования должны прививать антикоррупционную идеологию посредством формирования соответствующей культуры через меры противодействия коррупции. Идеологическая основа, формируемая культурным наследием, вплетаясь в социальную матрицу, определяет приоритет антикорруп-

ционной идеологии в стратегии предупреждения коррупции как негативного социокультурного явления и задает вектор противодействия данному феномену современного общества.

Обсуждение результатов исследования

Понимание коррупции как явления, неизбежно сопровождающего общество, многогранно и требует научного осмысления. Коррупция (от лат. *corrumpere* «растлевать», лат. *corruptio* «подкуп, продажность; порча, искажение, разложение; растление») – неотъемлемый элемент общества, присущий всем государствам в той или иной степени. Существующие подходы в изучении коррупции как социального явления разнообразны.

С правовой точки зрения коррупция включает в себя деяния, которые относятся к правонарушениям и запрещены законом. Именно воля законодателя определяет коррупционность тех или иных актов поведения и отнесение их к различным видам правонарушений, будь то дисциплинарный проступок коррупционной направленности или преступление, относящееся к коррупционному. При этом возникает закономерный вопрос о справедливости законодателя и возможности принятия его воли как априори истинной. Существующие нормативные правовые нормы отражают те постулаты, которые законодатель посчитал необходимым ввести в ранг предписаний, обязательных для соблюдения, в целях обеспечения безопасности общества и поддержания в нем правопорядка на основе принципа социальной справедливости.

Однако существующие взгляды на легитимность власти и издаваемые ею законы не всегда однозначны. Понятие «преступный закон» (Шестаков, 2011), содержащий нормы, противоречащие друг другу, а порой возводящие в дозволенные, общественно опасные деяния, определяет своеобразный парадокс закона, но преступного (*criminalis legis*). На наш взгляд, следует говорить скорее о криминогенном законе, содержащем правовые конструкции, формулировки, способствующие или создающие благоприятные условия для совершения преступления. Например, исключение конфискации из вида наказания и отнесение к иным мерам уголовно-правового характера (статья 104¹ УК РФ). При этом перечень преступлений, по которым

осуществляется конфискация имущества¹, не является полным. Так, в нем отсутствуют коррупционные преступления, предусмотренные ч. 3 ст. 160, ст. 292 УК РФ и др., что способствует уходу от материальной ответственности лиц, совершивших коррупционные преступления. Полагаем, это должно быть изначально в приоритете, учитывая вид корыстной направленности указанных видов деяний.

Применительно к пониманию коррупции с точки зрения правовых дефиниций следует учитывать несовершенство самого закона. Содержание понятия коррупции в ч. 1 ст. 1 Федерального закона от 25 декабря 2008 года № 273-ФЗ «О противодействии коррупции»² вызывает критику как в научных кругах, так и среди правоприменителей: «Злоупотребление служебным положением, дача взятки, получение взятки, злоупотребление полномочиями, коммерческий подкуп либо иное незаконное использование физическим лицом своего должностного положения вопреки законным интересам общества и государства в целях получения выгоды в виде денег, ценностей, иного имущества или услуг имущественного характера, иных имущественных прав для себя или для третьих лиц либо незаконное предоставление такой выгоды указанному лицу другими физическими лицами». Совершение указанных деяний от имени или в интересах юридического лица также относится законодателем к коррупции.

Раскрытие понятия коррупции через перечисление конкретных способов извлечения выгоды не делает определение коррупции точным, полным и удобным для практического применения (Стебенева, 2011). Например, в определении коррупции речь идет лишь об интересах имущественного характера, хотя в диспозиции статьи 285 УК РФ «Злоупотребление должностными полномочиями» отмечено, что данное деяние может быть совершено не только из корыстной, но и из иной личной заинтересованности.

Федеральный закон «О противодействии коррупции» не раскрывает понятие имущества и услуг имущественного характера. Однако в пункте d статьи 2 Конвенции Организации Объединенных Наций против коррупции от 31 октября 2003 г., ратифицированной Российской Федерацией³, приводится следующее понятие: имущество – это любые активы, материальные или нематериальные, движимые или недвижимые,

¹ Данный перечень статей внесен в статью 104¹ Уголовного кодекса РФ статьей 7 Федерального закона РФ от 25 декабря 2008 года № 280-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с ратификацией Конвенции Организации Объединенных Наций против коррупции от 31 октября 2003 года и Конвенции об уголовной ответственности за коррупцию от 27 января 1999 года и принятием Федерального закона «О противодействии коррупции» (2008). В *Собрание законодательства РФ*, № 52 (часть 1), Ст. 6235, С. 15877–15890.

² *Федеральный закон РФ от 25 декабря 2008 года № 273-ФЗ «О противодействии коррупции»*. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_436144/ (дата обращения 14.06.2023).

³ Конвенция ООН против коррупции от 31.10.2003 года (2006). В *Собрание законодательства РФ*, № 26, Ст. 2780; Федеральный закон РФ от 08 марта 2006 г. № 40-ФЗ «О ратификации Конвенции Организации Объединенных Наций против коррупции» (2006). В *Российская газета* (федеральный выпуск от 21 марта), № 4022.

выраженные в вещах или в правах, а также юридические документы или акты, подтверждающие право собственности на такие активы или интерес в них.

К нематериальным активам в данном случае относятся активы предприятия, фирмы и т. д., не имеющие выражения в материальной форме (секреты производства, изобретения, товарные знаки и т. п.).

Под иной личной заинтересованностью должностного лица следует понимать выгоду нематериального характера (например, награды, положительные характеристики, карьеризм, протекционизм и т. п.).⁴

Кроме того, в статье 19 Конвенции Организации Объединенных Наций от 31 октября 2003 г. против коррупции злоупотребление служебным положением публичным должностным лицом⁵ совершается в целях получения неправомерного преимущества для себя или иного физического или юридического лица. Преимущество (превосходство, особые, исключительные права⁶) предполагает извлечение выгоды как имущественного, так и неимущественного характера.

Помимо имеющихся несовершенств законодательства в виде закрепленных определений сам закон может быть коррупциогенным, т. е. содержать словосочетания, неопределенность широты применения полномочий должностными лицами и т. п., что способствует совершению деяний коррупционной направленности.

Отметим, что российское антикоррупционное законодательство в целом несовершенно. Говоря о коррупционных правонарушениях и преступлениях, мы находим не законодательное закрепление данных понятий, а лишь признаки отнесения их к таковым, что не добавляет определенности и четкости правовым нормам по противодействию данному явлению.

Неоспорима юридическая природа коррупции. Коррупция входит в элементы правовой реальности, складывающейся в том или ином государстве, что не исключает оценки коррупции с точки зрения иных сфер жизни. Один лишь правовой подход к оценке феномена коррупции ведет к обеднению анализа указанного явления и неполноценности исследования.

По этой причине определение коррупции только как правового явления не совсем оправданно в силу несовершенства законодательства и права в целом, что, несомненно, является одним из необходимых инструментов выявления и предупреждения коррупции.

Следующий подход при изучении коррупции как явления – девиантологический. Девиантность (от лат.

deviation – отклонение) – это поведение, отклоняющееся от общепризнанных норм. Девиантность может быть как позитивной, так и негативной. Что касается коррупции, то она имеет отрицательные последствия и часто относится к делинквентному поведению, т. е. нарушающему правовые нормы.

Девиантность как характер поведения проявляется через действия, поступки людей, которые в конечном счете направлены на удовлетворение своих потребностей, стремлений, увлечений, привычек (Гишинский, 2009). В коррупционных деяниях потребности в первую очередь материальны. Учитывая их корыстный характер, полагаем, не следует исключать и карьеристские, ложно понятые корпоративные мотивы в самоутверждении, в подтверждении статуса за счет высокого материального достатка, получаемого благодаря должностному положению.

Девиации в виде коррупционных деяний имеют ярко выраженную направленность, проявляющуюся в корыстолюбии. Согласимся, что удовлетворение материальных потребностей необходимо всем людям для выживания (покупка пищи, обеспечение безопасности и нормальных условий проживания и т. п.), но при коррупционных актах на первый план выступает завышенная, а порой гипертрофированная потребность в удовлетворении корыстных мотивов, находящихся выражение в материальных, имущественных благах, которые служат в том числе достижению карьерного роста (покупка должностей), созданию ложного впечатления об успешности служебной деятельности и, как следствие, получению премий, привилегий и т. п.

При этом, например, П. А. Кабанов характеризует коррупцию как негативное социально-политическое девиантное (отклоняющееся) поведение в сфере политической (властной) жизни современного общества (Кабанов, Райков, Чирков, 2008), олицетворяя коррупционные деяния, в первую очередь, с политической жизнью.

Ю. В. Голик, В. И. Карасев полагают, что «единичные проявления девиантного преступного поведения в тенденции превращаются в норму поведения государственных служащих...» (Голик, Карасев, 2005). Несомненно, подобной трансформации от частного к общему способствует складывающаяся девиантная корпоративная этика и правила поведения (круговая порука, организованные коррупционные группы, ложная солидарность и т. п.).

Интересна с этой точки зрения позиция Я. И. Гишинского (Гишинский, 2009), считающего, что харак-

⁴ Лебедев, В. М. (под общ. ред.) (2006). *Комментарий к Уголовному кодексу РФ*, 4-е изд., перераб и доп. Москва: Норма; Борисов, А. Б. (2007). *Комментарий к Уголовному кодексу РФ с постановочными материалами и практическими разъяснениями*, 2-е изд., перераб. и доп. Москва: Книжный мир.

⁵ Публичное должностное лицо определяется статьей 2 Конвенции ООН против коррупции, принятая Генеральной Ассамблеей ООН 31.10.2003 г. (2006). В *Собрание законодательства РФ*, № 26, Ст. 2780.

⁶ Даль, В. И. (2007). *Большой толковый словарь русского языка: современное написание* (стр. 145). Москва: АСТ: Астрель.

терной особенностью постмодерна является стирание границ между дозволенным и запрещенным, нормой и девиантным. Не потому ли оценка коррупции лишь с позиций девиантности автоматически приводит к неоднозначности восприятия этого феномена в обществе.

”

Деформация в восприятии права, ущербность мировоззрения, моральная обеднённость и нравственная нечистота влекут неизбежно не только к толерантному отношению к коррупции, но и стимулирует, превозносит в достижения коррупционные деяния

“

Согласимся, что постиндустриальное общество характеризуется не только развитием научного прогресса, превалярованием человеческого капитала, цифровизацией и т. п., но и ростом рынка услуг, что, несомненно, сказывается и на преступности как социальном явлении. Коррупция не является исключением, скорее, наоборот, она представляет собой «идеальный» образец криминальных отношений «спрос–предложение» в виде незаконных услуг должностных лиц. Существующие нормы, казалось бы, правомерно поведения, которым следует большинство членов общества, в неформальных сообществах, наоборот, могут восприниматься как отклоняющиеся. Существующая субкультура определенных корпоративных, служебных сообществ, проводящие в своей деятельности корыстную мотивацию в виде коррупционных деяний, возводит в норму взяточничество, злоупотребления должностными полномочиями и т. п., при этом изгоняя (путем проведения множества безосновательных служебных проверок, откровенной травли) правомерно поведения должностных лиц как инородных, не разделяющих принимаемую норму поведения. Таким образом, пертурбация «норма / не норма» присуща различным субкультурам.

«Девиантное» или «недевиантное» поведение – понятия относительные, сконструированные государством, обществом, людьми. Они не являются по-

стоянными (Гишинский, 2022), и потому осмысление коррупции с точки зрения девиантности, а именно непризнаваемой нормы, было бы не совсем верно, так как существуют мнения и о пользе коррупции, о неизбежности ее проявлений.

Так, в подтверждение «положительного» потенциала коррупции приводится ряд таких аргументов, как: коррупция выступает одним из консолидирующих факторов накопления капитала и его расширенного производства; способна существенно увеличить управленческий потенциал государственной власти; в явной или неявной форме коррупция объединяет людей вокруг проблемы распределения государственных должностей и формирования на этой основе различных политических объединений, консолидаций (Лоскутов, 2006).

Коррупция в краткосрочном периоде является фактором экономического роста, так как, во-первых, взятки являются видом трансакционных издержек, позволяющих минимизировать издержки на организацию легального бизнеса, тем самым реализовывая предпринимательский потенциал, а во-вторых, как правило, ресурсы в большинстве случаев достаются тем, кто готов заплатить за них большую цену, ожидая от них большей полезности, и в результате использует их наиболее эффективно (Овчаров, 2003).

Отметим утверждения, что коррупция, якобы, играет и позитивную роль в современном обществе, так как регулирует отношения между хозяйствующими субъектами, где достаточно сложны и затратны законные процедуры, что позволяет снизить материальные и временные издержки; является проводником между несовершенными правовыми нормами и потребностями бизнеса; снижает бюрократические барьеры и выступает в роли неформального стимулятора деятельности чиновников; способствует более быстрому становлению и развитию бизнеса; затраты на противодействие коррупции более высокие, чем вред от нее (Цуриков, А., Цуриков, В., 2007; Галицкий, Левин, 2007; Епифанова, 2007; Матвейчев, Акопян, 2018).

Отмечаются две стратегии, приводящие бизнес к успешности: «сдача» своего бизнеса представителям власти и «взятие» представителей власти на регулярное содержание. Иные стратегии считаются неустойчивыми либо не ведут к достижению успеха в ведении дел. Если предприятия не дают взятки, эффективность ведения бизнеса находится на низком уровне (Саратов, 2013).

Смеем не согласиться с указанной позицией, так как признание «полезности» коррупции неизбежно повлечет легитимность ее проявлений, что недопустимо, учитывая цену данных деяний и тяжесть последствий, которые они могут повлечь. Экономически невыгодно признавать и распространять коррупционные технологии и схемы при ведении бизнеса, так как, во-пер-

вых, это незаконно и может повлечь соответствующие санкции, а во-вторых, бизнес попадает в зависимость от коррумпированных чиновников, чьи решения и действия (законные и незаконные) воздействуют на его существование и развитие. Ущерб от применения коррупционных деяний при ведении бизнеса может иметь следующие долгосрочные последствия: нестабильность, вероятность привлечения к ответственности, потеря деловой репутации, ухудшение инвестиционной привлекательности и др. Коррупция переводит бизнес в сектор теневой экономики, где правила существования не поддаются законному регулированию и могут иметь криминальные последствия для всех участников экономических отношений.

Кроме того, коррупция является сдерживающим фактором реформ государственных институтов. Политика активной терпимости коррупции ставит заслон на пути реформ в долгосрочной перспективе. Подобная практика приводит к подрыву легитимности государственных институтов в глазах граждан (Роуз-Аккерман, 2003).

Согласиться с мнением ряда ученых, что коррупция может быть даже полезна для государства, по нашему мнению, неверно. Так, устоявшиеся в обществе неформальные правила взаимоотношений между субъектами коррупционных связей (наличие расценок на услуги должностных лиц, их должности, определенный жаргон и т. п.) способствуют укреплению коррупции, ее разрастанию и более устойчивому сращиванию с легальными государственными структурами.

Существует понятие «теневое право» – противостоящий официальному праву «свод асоциальных обязательных, устанавливаемых самими участниками общественных отношений, предписаний, символов, ритуалов, жестов, жаргона, посредством которых регламентируются все этапы противоправной деятельности, образуется теневой правопорядок, охраняемый специальными морально-психическими, материальными и физическими санкциями» (Баранов, 2002). Таким образом, обогащению чиновников с использованием своего служебного положения часто способствует их четкая организация со своими правилами и законами (например, «право телефонного звонка», «круговая порука» и т. п.). Это непременно приводит к институализации коррупции как в отдельно взятом государственном органе, так и в обществе в целом (Стебенева, 2011).

Учитывая изложенное, девиантологический подход в полной мере не может отражать социальную природу коррупции, так как признание ее проявлений отклоняющимися не общепризнанно, а отнесение деяний к коррупционным правонарушениям зависит от воли законодателя.

Следующим подходом, служащим инструментом оценки коррупции, является экономический. Часто

коррупцию относят к феномену экономической сферы, что обосновано корыстной природой данного явления и неизбежным материальным ущербом от деяний коррупционной направленности. Э. К. Бэнфилд определил, что для существования коррупции необходима совокупность агентов: уполномоченного агента; агента, делигирующего полномочия (доверитель); агента, чьи доходы и риски потерь зависят от уполномоченного агента (Бэнфилд, 2019). Например, в классической схеме взяточничества это выглядит как схема: взяткополучатель – взяткодатель – посредник, что в очередной раз подтверждает сходство отношений между участниками коррупционных схем на основе выгоды, прибыли с экономическими отношениями в процессе производства, потребления, распределения и обмена товаров или услуг.

”

*Насыщение культуры
позитивными ценностями
и установками должно
базироваться на идеологической
основе антикоррупционного
мировоззрения, на приоритете
духовного над материальным,
в противовес существующей
идеологии потребления*

“

Примечательно, что, пользуясь экономическим подходом в анализе коррупции, обоснованно рассматривать ее как частное проявление стандартного рынка со своим собственным спросом и предложением (Золаев, 2023), формируемыми потребностями граждан, юридических лиц в коррупционных услугах и готовностью должностных лиц незаконно оказывать свои услуги за вознаграждение с учетом возможной прибыли и риска неизбежности наказания (прибыль / издержки).

Коррупцию относят к категории экономической наравне с правовой, так как она является специфическим видом экономических отношений. Определяя теневую экономику как имеющую матричную структуру и обладающую определенными элементами, коррупцию (основанную на взяточничестве) относят к неофициальным (псевдообщественным) экономическим отношениям в государственном секторе наряду с неофици-

циальными (псевдообщественными) экономическими отношениями в предпринимательском секторе, криминальными (антиобщественными) экономическими отношениями в государственном секторе и в предпринимательском секторе (Овчаров, 2003).

Как отмечал Эрнандо де Сото (де Сото, 1995), теневая деятельность, подпитываемая несовершенной правовой системой в государстве, представляет собой постоянное соперничество за незаработанный доход, удовлетворение личных мнений и предпочтений, что вызывает неопределенность, коррупцию и усиливает социальную напряженность. Разочарование в системе государства приводит к пониманию, что к благополучию ведет не столько труд, сколько политическая ловкость и изворотливость. Государство выступает не только регулятором легальных экономических отношений, но и распределителем незаконных монопольных прав через механизм государства. Активное экономическое участие государства в форме протекционизма (распределение привилегий, субсидий и т. п.), заложенных в доктрине меркантилизма (экономическая политика в Европе в XV–XIX вв.) (Ekelund & Tollison, 1981), что отвергалось основоположником коммунизма К. Марксом и основоположником экономического либерализма А. Смитом (де Сото, 1995), влечет оказание незаконной благосклонности и в сфере теневой экономики, выражающейся в виде коррупционных преступлений, в частности, получения взяток, злоупотребления должностными полномочиями и т. д.

Переходные периоды в обществе влекут за собой экономические кризисы, протекающие через трансформацию отношений, связей (межсистемный трансформационный кризис (Инфантьев, 2001)) и предполагает крупные структурные и институциональные преобразования. Периоды коренных социальных трансформаций всегда характеризуются и ростом преступности, и вовлечением экономических отношений в теневые, так как на стыке смены парадигм (экономических, социальных) право, общественные институты не успевают преобразоваться, подстроиться к происходящим переменам, что приводит к реализации своих мотивов незаконными методами.

Если мы относим коррупцию к криминальному сегменту теневой экономики⁷, своеобразным регулятором начинают выступать негласные правила, не регулируемые легально отношения, в том числе между хозяйствующими субъектами, где коррупция выступает в роли и инструмента в деловых отношениях, и источника незаконного дохода.

Экономический подход в понимании коррупции, на наш взгляд, является ограниченным, так как учиты-

вает только отношения между предлагающим услуги, товары и их потребителем, что оправдано при взыскании, но коррупция не ограничивается только им. Необходимо учитывать факты злоупотребления должностными полномочиями, присвоение и растрату с использованием служебного положения и т. п., где присутствует только одна сторона – незаконного потребителя. Кроме того, выгода в коррупционных преступлениях возможна не только в виде материальной, имущественной, но и в иной форме личной заинтересованности. Следовательно, осознание коррупции как явления в социальной матрице лишь через экономический подход было бы неверно, так как природа рассматриваемого феномена глубже, и ее проявления не актуализируются лишь при экономических отношениях.

Рассмотрим понимание коррупции через психологический подход. Например, концепция О. В. Ванновской (Ванновская, 2009; Ванновская, 2023) определяет основные пять структурных элементов личности: уровень смыслов и ценностей (жизненные цели, стремления, интересы и ценностные ориентации); когнитивно-нравственный уровень (индивидуальное самосознание, личные правила поведения, правосознание, понимание ответственности и долга); эмоциональный уровень (удовлетворенность жизнью, профессией, личным статусом, самоотношением); регулятивный уровень (степень контроля, механизмы принятия решений); поведенческий уровень (ведущий тип реагирования). Смыслы и ценности, включая ориентации и жизненные идеалы, образуют содержательную сторону направленности личности и выражают внутреннюю основу ее отношения к действительности. Очевидно, что для коррупционера характерно преобладание материальных, а не духовных ценностей, что предопределяет ее выбор в ситуации конфликта интересов между общественно значимыми и личными ориентирами в пользу последних. Тем самым для человека с высокой склонностью к коррупции мерилем счастья и блага будет роскошь, а ведущей ценностью – фроммовская категория «иметь», а не «быть» (Мельник, Стебенева, 2018).

Выделяя антикоррупционную устойчивость как основной предмет исследования при изучении коррупции, часть исследователей обосновывает причинно-следственную связь развития и функционирования поведения человека под воздействием взаимодействия ряда разнокачественных влияний, определяющих поведение субъекта (концепция кумулятивно-факторной причины) (Ванновская, 2023).

М. М. Решетников (Решетников, 2023) в своей работе рассматривает психолого-исторический аспект этого явления, полагая, что истоки коррупции во вне-

⁷ Наумов, Ю. Г., Латов, Ю. В. (2016). Экономическая безопасность и теневая экономика: учебник. Академия управления МВД России.

экономической плоскости. Стремление к признанию, уважению и расположению (родителей, мудрейших, сильнейших) он относит к психологическим законам и механизмам функционирования любых социальных структур. Данный механизм регулирования социальных отношений за определенный исторический период трансформировал «сильнейших» в «обладающих властью», которые, поддерживая традиции подношений, одаривания, поклонения, формируют психологические механизмы коррупции.

Обосновывая необходимость использовать в понимании коррупции психологический подход, некоторые авторы сочли основными причинами коррупции имеющие психологическую природу чувство безнаказанности коррупционеров, наличие самооправдания и искажение нравственного поведения (Купленский, Петелина, 1997).

Рассмотрение психологии коррупции как самостоятельной области исследования возможно, так как включает в себя психологию коррупционеров, психологию коррумпирующих; изучение социально-психологических процессов, влияющих на коррупцию и отношения общества к данному негативному явлению (Журавлев, Юревич, 2014). Использование при изучении психологии коррупционного поведения системологии, применения психологических методов исследования коррупции обогащает содержательную часть познания этого феномена и, несомненно, способствует эффективному его предупреждению (Чернышева, 2018).

Однако, на наш взгляд, психологический подход является узконаправленным именно на субъективные причины коррупционного поведения, которое, однако, зависит и формируется под воздействием внешних факторов, имеющих значительное влияние.

Некоторые ученые рассматривают коррупцию с позиций совокупности нескольких подходов, определяя ее как, например, социетальный феномен, выявляя его детерминацию в социальном, социально-психологическом и социально-экономическом едином контексте (Осипов и др., 2019).

С нашей точки зрения, природу, содержание и сущность такого феномена, как коррупция, и ее роль в общественных отношениях и институтах объективнее прочих отражает культурологический подход. Культурологический подход в осмыслении коррупции в современном обществе важен потому, что именно культура выступает базисом деятельности людей и представляет собой комплекс ценностей, норм, знаний, обычаев, традиций и др., то есть тем, что создает сам человек своим образом жизни. Это обуславливает наполнение культуры теми нормами и установками, которые

складываются при жизнедеятельности, коммуникации. Культура имеет фундаментальное значение для формирования психики, мышления и поведения, направлена на выработку своеобразного «иммунитета» к противоправной деятельности, что позволяет криминализировать деяние на основе культурных ценностей (Бибик, 2016).

Современная обстановка в обществе свидетельствует о его направленности на удовлетворение материальных потребностей. Общество выступает стимулятором потребительства – удовлетворения своих желаний через потребление: вещей, развлечений, зрелищ. «Общество потребления» и его структуру изучали такие ученые, как Э. Фромм (Фромм, 2004) с его постулатом «быть или иметь», Дж. Гэлбрейт (Гэлбрейт, 2018) с понятием «общество изобилия», Ж. Бодрийяр (Бодрийяр, 2021) с выявлением «объектов потребления», Т. Веблен (Веблен, 1984) с «теорией праздного класса», Д. Ванн, Т. Нэйлор, Д. де Грааф с определением «потреблятьство как болезнь, угрожающая миру» (Де Грааф, Ванн, Нэйлор, 2005) и др.

Фокус особого внимания на денежный успех и материальное благополучие привело к тому, что главной заботой стало владение техническим и социальным инструментом, способствующим удовлетворению корыстных потребностей и получению желаемых результатов (Zargar & Sarani, 2021).

Таким образом, совершение корыстных деяний стимулируется обществом, где признаками успеха являются высокий статус, обладание, возможность распределения денежных, сырьевых ресурсов; для которого характерен высокий ценз материального уровня, что влечет психологическое давление в виде необходимости причастности, включенности, приобщения к высокому доходу, конкуренции за материальные блага.

Вернемся к девиантологическому подходу. В связи с изложенным невольно возникает вопрос: отклонение ли это, если в «обществе потребления» удовлетворение материальной потребности признается приоритетным значительным количеством граждан?

Распространенность кредитов, способствующих обладанию вещами не жизненно важной значимости (например, дорогостоящими телефонами и иной техникой; увлечение брендами фирм-производителей и т. п.) тому подтверждение. Согласно исследованию ВЦИОМ, в 2023 г. доля россиян, у которых есть кредиты, оказалась почти вдвое выше по сравнению с результатами подобного исследования в 2009 г. (с 26 % до 46 %) ⁸, что отчасти можно соотнести с развитием кредитной системы в стране, но и, несомненно, с завышенными потребительскими запросами на предметы

⁸ Кредитная активность россиян: мониторинг. Аналитический обзор (2023). ВЦИОМ Новости. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/kreditnaja-aktivnost-rossijan-monitoring?ysclid=lljbcl16jl307784790> (дата обращения 20.08.2023).

не первой необходимости, а порой и роскоши. Существующая социологическая «теория моды» определяет подражание существующим стандартам как одну из идей современного общества (Уколова, Симонова, 2015), а это касается и обладания определенными, высоко ценящимися вещами. Общество или отдельные люди инициируют новые потребности, тем самым навязывая новые зависимости, увлечения, приносящие наслаждения, влекущие экономические зависимости, вплоть до банкротств, разорений. Расслоение общества, классовые войны зиждятся на жажде обладания, на принципе неограниченного потребления как цели жизни. «Алчность и мир исключают друг друга» (Фромм, 1986).

Идеологическая основа – неотъемлемая часть культурного наследия, она формируется вместе с историко-культурным развитием народа, неразрывно связана со всеми социальными явлениями и оказывает влияние на все институты общества, вплетаясь в социальную матрицу, что предопределяет приоритет привития антикоррупционной идеологии в стратегии предупреждения коррупции как социокультурного явления

Таким образом, учитывая современные тенденции в совокупности, мы можем отметить деформации в формировании позитивной культуры общества, а коррупция – не что иное, как отражение этого процесса. Коррупционные деяния являются результатом действия предпосылок, связанных с укладом, традициями, принятыми и устоявшимися шаблонами поведения. Среди базисов, запускающих механизм коррупции, как и любого социального явления, можно назвать тенденции и характер отношений между членами общества. Любой этап развития человечества, в том числе современный, основан на определенной совокупности взаимосвязанных институтов, элементов – семье, государстве, праве, культуре, идеологии и т. п., тем самым образуя социальную матрицу того или иного общества.

Современная социальная матрица включает в себя как устоявшиеся, складывавшиеся веками институты, так и новые, встраивающиеся элементы – интернет,

искусственный интеллект, цифровую валюту. Так или иначе новые составляющие, укореняясь в социальной матрице, вовлекают в свою сферу уже имеющиеся элементы. Складывающаяся в обществе культура имеет непосредственное влияние на мотивацию как индивидов, так и всех граждан (коллективный субъект). Зарождению мотивации как начальному этапу механизма коррупционного преступного поведения способствуют потребности, эмоции, интересы, увлечения, привычки, выражающиеся в желаниях. Внутренние желания человека не имеют границ и изначально не преступны, пока не будут реализованы во внешней среде. Коррупционные деяния имеют природу корыстную, потребительскую.

Содержание корыстного мотива коррупционного преступления неоднозначно. Казалось бы, это удовлетворение своих материальных потребностей (обладание деньгами, ценностями, имуществом и т. п.), но коррупционные преступления в большинстве связаны с реализацией должностных полномочий и служебных обязанностей, что может предполагать иную личную заинтересованность при совершении преступления (на что законодатель прямо указывает, например, в диспозиции ст. 285 УК РФ) – карьеризм, создание благоприятного впечатления об успешной работе, что в последующем может повлечь материальную выгоду.

Интересен мотив в виде ложно понятых интересов службы (группы, коллектива), которые, казалось бы, не влекут явной корыстной заинтересованности. Но при совершении коррупционного преступления виновный знает о том, что нарушает уголовно-правовой запрет и имеет свою определенную выгоду. Нет ложно понятых групповых интересов, выступающих в качестве псевдосоциальных мотивов, т. е. преступник не ошибается в правовой и нравственной оценке этих интересов, а есть потребность утверждения, улучшения своего социального статуса, страх быть низвергнутым или уничтоженным системой, если не пойти ей на уступки, даже поступаясь собственной совестью (Антонян, Кудрявцев, Эминов, 2004), что также отражает сложившуюся негативную корпоративную культуру.

Научная концепция «спираль молчания» (Ноэль-Нойман, 1996). подтверждает появление страха оказаться в меньшинстве, если твое мнение расходится с общепринятым, и чем больше расхождение, тем ближе (ниже) человек к началу «спирали» и тем больше молчит. Присутствие негативной служебной солидарности – замалчивание фактов коррупции, равнодушие при совершении коллегами коррупционных деяний – способствует более широкому распространению общественно опасных деяний коррупционной направленности, а порой и подталкивает такого человека на вступление в группу для совершения рассматриваемого вида преступлений. Именно поэтому важен разговор о качестве и направленности корпоративной культуры.

Алчность и зависть живучи не из-за своей врожденной силы, а потому, что человеку часто трудно противостоять давлению со стороны общества (Фромм, 1986).

Культура определяет правовые и этические нормы в общественном сознании, что формирует поведение людей, поэтому деформация в восприятии права (например, правовой нигилизм), ущербность мировоззрения, моральная обедненность и нравственная нечистота (вплоть до морального уродства, оправданного человеческой слабостью, пороками и зависимостями на грани манипулирования жалостью к себе, паразитирования на чувстве сострадания и понимания) неизбежно не только влекут толерантное отношение к коррупции, но и стимулируют, трансформируют коррупционные деяния в достижения («не слабак», «не лузер» и т. п.). Поэтому речь следует вести скорее о криминологической культуре (Симоненко, Грибанов, 2017, с. 11), которая должна уделять внимание именно идеологическим, культурным предпосылкам коррупции (криминогенным факторам).

Выводы

Культурное развитие общества формирует фундамент всей деятельности человека, и явления, сопутствующие ей, приобретают социокультурные черты, наделяя культурными особенностями как отдельных индивидов, так и население стран в целом. Насыщение культуры позитивными ценностями и установками должно базироваться на идеологической основе антикоррупционного мировоззрения, на приоритете духовного над материальным⁹ в противовес существующей идеологии потребления, формируя так называемый моральный фильтр, основанный на самоконтроле

(Kammigan, 2023).

Таким образом, институты социальной матрицы должны прививать антикоррупционную идеологию посредством формирования соответствующей культуры:

- социальные политические институты: формирование реального политического плюрализма; проведение эффективной антикоррупционной политики; привитие стандартов антикоррупционного поведения и деонтологических норм государственным служащим;
- социальные экономические институты: поддержка добросовестной конкуренции, устранение незаконных монополий, прозрачность государственных закупок, проведения тендеров, распределения грантов, субсидий; снижение доли теневой экономики;
- социальный институт семьи, образования: антикоррупционное патриотическое воспитание; переориентация с потребления на созидание;
- социальный институт религии: развитие духовной жизни, ориентации на бескорыстие, благотворительность.

Коррупцию как социальное явление нельзя понять, сведя лишь к ее одной какой-либо причине; ее понимание требует взаимодействия социологических и идеологических факторов (Фромм, 2019, с. 110). Идеологическая основа – неотъемлемая часть культурного наследия, она формируется вместе с историко-культурным развитием народа, неразрывно связана со всеми социальными явлениями и оказывает влияние на все институты общества, вплетаясь в социальную матрицу, что предопределяет приоритет привития антикоррупционной идеологии в стратегии предупреждения коррупции как социокультурного явления.

Список литературы

- Антонян, Ю. М., Кудрявцев, В. Н., Эминов, В. Е. (2004). *Личность преступника*. Санкт-Петербург: Юридический центр Пресс.
- Бавсун, М. В. (2023). Четвертая промышленная революция как триумф доминирования технологических императивов в современном обществе. В И. А. Минникес (отв. ред.), *Байкальские компаративистские чтения: материалы международной научно-практической конференции*, (Иркутск, 17–18 марта 2023 года, стр. 214–219). Иркутск: Байкальский государственный университет.
- Баранов, В. М. (2002). *Теневое право: монография*. Нижний Новгород: Нижегородская академия МВД России.
- Бенфилд, Э. (2019). *Моральные основы отсталого общества* (пер. с англ. Д. А. Карельский). Москва: Новое издательство.
- Бибик, О. Н. (2016). Культурологические аспекты противодействия преступности. *Вестник Краснодарского университета МВД России*, 2 (32), 21–28.
- Бодрийяр, Ж. (2021). *Общество потребления* (пер. с франц. Е. А. Самарская). Москва: АСТ.
- Ванновская, О. В. (2009). Личностные детерминанты коррупционного поведения. *Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена*, 102, 323–324.

⁹ Указ Президента РФ от 09.11.2022 № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных духовно-нравственных ценностей» (2022). *Справочно-правовая система КонсультантПлюс* URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_430906/ (дата обращения 14.06.2023).

- Ванновская, О. В. (2023). *Психология коррупционного поведения государственных служащих*: монография, 2-е изд., стер. Москва: Юрайт.
- Веблен, Т. Б. (1984). *Теория праздного класса* (пер. с англ.) Москва: Прогресс.
- Галицкий, Е., Левин, М. (2007). Коррупционные отношения бизнеса и власти (опыт эмпирического анализа). *Вопросы экономики*, 1, 19–32. <https://doi.org/10.32609/0042-8736-2007-1-19-32>
- Гишинский, Я. И. (2009). *Глобализация, девиантность, социальный контроль: сборник статей*. Санкт-Петербург: ДЕАН.
- Гишинский, Я. И. (2022). Девиантология постмодерна. *Российский девиантологический журнал*, 2 (1), 10–16. <https://doi.org/10.35750/2713-0622-2022-1-10-16>
- Голик, Ю. В., Карасев, В. И. (2005). *Коррупция как механизм социальной деградации*: монография. Москва: Юридический центр Пресс.
- Гэлбрейт, Дж. К. (2018). *Общество изобилия* (пер. с англ. Г. И. Агафонов, Е. Б. Головляница, И. В. Ногаев и др.) Москва: Олимп-бизнес.
- Де Граф, Дж., Ванн, Д., Нэйлор, Т. (2005). *Потреблятьство. Болезнь, угрожающая миру* (пер. с англ. Н. Макаровой). Екатеринбург: Ультра. Культура.
- Де Сото, Э. (1995). *Иной путь. Невидимая революция в третьем мире* (пер. с англ. Б. Пинскер). Москва: Catallaxy.
- Епифанова, Н. (2007). Исследование коррупции на основе методов экономической теории. *Вопросы экономики*, 1, 33–44. <https://doi.org/10.32609/0042-8736-2007-1-33-44>
- Журавлев, А. Л., Юревич, А. В. (2014). Психологические факторы коррупции. *Социологические исследования*, 7, 63–71.
- Золаев, Э. А. (2023). Экономика коррупции. *Теневая экономика*, 7 (2), 161–170. <https://doi.org/10.18334/tek.7.2.117963>
- Инфантьев, К. А. (2001). Влияние трансформационного кризиса на характер теневых явлений в экономике России. *Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России*, 3 (11), 103–104.
- Кабанов, П. А., Райков, Г. И., Чирков, Д. К. (2008). *Политическая коррупция в условиях реформирования российской государственности на рубеже веков*: монография. Москва: Издательство «Дружба народов».
- Китова, Д. А. (2020). Психолого-правовые особенности отношения к коррупции студентов из различных российских регионов. *Научные труды Московского гуманитарного университета*, 5, 76–91. <https://doi.org/10.17805/trudy.2020.5.9>
- Купленский, А. А., Петелина, Л. В. (1997). Психология коррупции. *Психопедагогика в правоохранительных органах*, 2 (6), 59–61.
- Лоскутов, В. А. (2006). *Постсоветский тоталитаризм: «якорные стоянки» российской власти*. Екатеринбург: Уральская акад. гос. службы.
- Матвейчев, О. А., Акопян, А. (2018). *Мифы о коррупции*: монография. Москва: Книжный мир.
- Мельник, А. С., Стебенева, Е. В. (2018). Предупреждение преступлений коррупционной направленности с учетом особенностей личности коррупционера. В. Н. А. Корсикова (сост.), *Система профилактики преступности: современное состояние, проблемы и перспективы развития*: материалы межведомственного Круглого стола (г. Санкт-Петербург, 26 октября 2018 г., стр. 179–183). Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский университет МВД России.
- Мельничук, Т. В. (2013). Криминогенный потенциал постиндустриального общества: анализ рисков. *Всероссийский криминологический журнал*, 4, 155–162.
- Ноэль-Нойман, Э. (1996). *Общественное мнение. Открытие спирали молчания* (пер. с нем.) Москва: Прогресс: Весь Мир.
- Овчаров, А. С. (2003). *Коррупция в системе теневых экономических отношений*: автореф. ... канд. экон. наук. Волгоград.
- Овчинский, А. С., Чеботарева, С. О. (2008). *Матрица преступности*. Москва: Норма.
- Осипов, Г. В., Карпова, С. Г., Климовицкий, С. В. и др. (2019). *Коррупция как социальный феномен: социологические, социально-психологические и экономические аспекты анализа*: коллективная монография. Москва, Санкт-Петербург: Нестор-История.
- Решетников, М. М. (2023). *Психология коррупции. Утопия и антиутопия*: монография, 2-е изд. Москва: Юрайт.
- Роуз-Аккерман, С. (2003). *Коррупция и государство. Причины, следствия, реформы* (пер. с англ. О. А. Алякринского). Москва: Логос.
- Сатаров, Г. А. (ред.) (2013). *Российская коррупция: уровень, структура, динамика: опыт социологического анализа*. Москва: Фонд «Либеральная Миссия».
- Симоненко, А. В., Грибанов, Е. В. (2017). Уголовная политика и культура противодействия преступности в России: состояние и перспективы. *Общество и право*, 3 (61), 10–16.
- Стебенева, Е. В. (2011). *Сотрудник органов внутренних дел как специальный субъект коррупционных преступлений: уголовно-правовые и криминологические аспекты*: дис. ... канд. юрид. наук. Санкт-Петербург.

- Стронг, Т., Лок, Э. (2021). *Как устроена матрица? Социальное конструирование реальности: теория и практика. Серия «Образ общества»* (пер. с англ. Д. В. Онегов, А. В. Зиндер, К. М. Зиндер, А. Мирзоянц). Электронная книга: АО «ВЦИОМ». URL: <https://www.litres.ru/book/tom-strong-31686513/kak-ustroena-matrica-socialnoe-konstruirovanie-realnos-66877138/chitat-onlayn/page-5/>
- Сухонос, С. И. (2014). *Кн. 2: Матрица социального развития*. Москва: Дельфис.
- Уколова, Д. В., Симонова, О. А. (2015). 2015. 01. 015. Асперс П., Годар Ф. Социология моды: порядок и изменение. Aspers P., Godart F. *Sociology of fashion: order and change // annual rev. of sociology*. – Palo Alto (Ca), 2013. – Vol. 39. – p. 171–192. *Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 11, Социология: Реферативный журнал*, 1, 129–138.
- Фромм, Э. (2004). *Иметь или быть? Ради любви к жизни* (пер. Н. И. Войскунская). Москва: Айрис-Пресс.
- Фромм, Э. (1986). *Иметь или быть* (пер. с англ. Н. И. Войскунской, И. И. Каменкович). Москва: Прогресс.
- Фромм, Э. (2019). *Здоровое общество* (пер. с англ. Т. В. Банкетово́й, С. В. Карпушиной). Москва: АСТ.
- Цуриков, А., Цуриков, В. (2007). Экономический подход к анализу корыстных преступлений. *Вопросы экономики*, 1, 45–54. <https://doi.org/10.32609/0042-8736-2007-1-45-54>
- Чернышева, Е. В. (2018). *Психология коррупционного поведения: монография*. Екатеринбург: Уральский юридический институт МВД России.
- Шестаков, Д. А. (2011). *Введение в криминологию закона*. Санкт-Петербург: Юридический центр Пресс.
- Bourdieu, P. (1986). The forms of Capital. In J. Richardson (Ed.), *Handbook of Theory and Research for the Sociology of Education* (pp. 241–258) (пер. с англ.) New York, Greenwood. <https://www.marxists.org/reference/subject/philosophy/works/fr/bourdieu-forms-capital.htm>
- Becker, G. S. (2009). *Human Capital: A Theoretical and Empirical Analysis, with Special Reference to Education. Edition: 3*. University of Chicago Press.
- Kammigan, I. (2023). Reflecting on the Interaction of Self-Control and Morality in Situational Action Theory: Comparing Absolute and Relative Effects of Self-control in 28 Countries. *J Quant Criminol*, 39, 465–493 (2023). <https://doi.org/10.1007/s10940-022-09541-0>
- Ekelund, R. B., & Tollison, R. D. (1981). *Mercantilism as a Rent-seeking Society: Economic Regulation in Historical Perspective*. College Station, Tex.: Texas A&M University Press.
- Zargar, Y., & Sarani, F. (2021). Socio-political Perfectionism: A Cross-cultural Study. *Journal of Modern Psychology*, 1 (4), 9–21. <https://doi.org/10.22034/jmp.2022.324954.1026>

References

- Antonyan, Yu. M., Kudryavcev, V. N., Eminov, V. E. (2004). *Lichnost' prestupnika*. Saint Petersburg: Yuridicheskij centr Press.
- Bavsun, M. V. (2023). Chetvertaya promyshlennaya revolyuciya kak triumf dominirovaniya tekhnologicheskikh imperativov v sovremennom obshchestve. V I. A. Minnikes (otv. red.), *Bajkal'skie komparativistskie chteniya: materialy mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii*, (Irkutsk, 17–18 marta 2023 goda, str. 214–219). Irkutsk: Bajkal'skij gosudarstvennyj universitet.
- Baranov, V. M. (2002). *Tenevoe pravo: monografiya*. Nizhnij Novgorod: Nizhegorodskaya akademiya MVD Rossii.
- Benfield, E. (2019). *Moral'nye osnovy otstalogo obshchestva* (per. s angl. D. A. Karel'skij). Moskow: Novoe izdatel'stvo.
- Bibik, O. N. (2016). Kul'turologicheskie aspekty protivodejstviya prestupnosti. *Vestnik Krasnodarskogo universiteta MVD Rossii*, 2 (32), 21–28.
- Bodriyyar, Zh. (2021). *Obshchestvo potrebleniya* (per. s franc. E. A. Samarskaya). Moskow: AST.
- Vannovskaya, O. V. (2009). Lichnostnye determinanty korrupcionnogo povedeniya. *Izvestiya Rossijskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. A. I. Gercena*, 102, 323–324.
- Vannovskaya, O. V. (2023). *Psihologiya korrupcionnogo povedeniya gosudarstvennyh sluzhashchih: monografiya*, 2-e izd., ster. Moskow: Yurajt.
- Veblen, T. B. (1984). *Teoriya prazdnogo klassa* (per. s angl.) Moskow: Progress.
- Galickij, E., Levin, M. (2007). Korrupcionnye otnosheniya biznesa i vlasti (opyt empiricheskogo analiza). *Voprosy ekonomiki*, 1, 19–32. <https://doi.org/10.32609/0042-8736-2007-1-19-32>
- Gilinskij, Ya. I. (2009). *Globalizaciya, deviantnost', social'nyj kontrol': sbornik statej*. Saint Petersburg: DEAN.
- Gilinskij, Ya. I. (2022). Deviantologiya postmoderna. *Rossijskij deviantologicheskij zhurnal*, 2 (1), 10–16. <https://doi.org/10.35750/2713-0622-2022-1-10-16>
- Golik, Yu. V., Karasev, V. I. (2005). *Korrupciya kak mekhanizm social'noj degradacii: monografiya*. Moskow: Yuridicheskij centr Press.

- Gelbrejt, Dzh. K. (2018). *Obshchestvo izobilya* (per. s angl. G. I. Agafonov, E. B. Golovlyanicina, I. V. Nogaev i dr.) Moscow: Olimp-biznes.
- De Graaf, Dzh., Vann, D., Neilor, T. (2005). *Potreblyatstvo. Bolezn', ugrozhayushchaya miru* (per. s angl. N. Makarovoj). Ekaterinburg: Ul'tra. Kul'tura.
- De Soto, E. (1995). *Inoj put'. Nevidimaya revolyuciya v tret'em mire* (per. s angl. B. Pinsker). Moscow: Catallaxy.
- Epifanova, N. (2007). Issledovanie korrupcii na osnove metodov ekonomicheskoy teorii. *Voprosy ekonomiki*, 1, 33–44. <https://doi.org/10.32609/0042-8736-2007-1-33-44>
- Zhuravlev, A. L., Yurevich, A. V. (2014). Psihologicheskie faktory korrupcii. *Sociologicheskie issledovaniya*, 7, 63–71.
- Zolaev, E. A. (2023). Ekonomika korrupcii. *Tenevaya ekonomika*, 7 (2), 161–170. <https://doi.org/10.18334/tek.7.2.117963>
- Infant'ev, K. A. (2001). Vliyanie transformacionnogo krizisa na harakter tenevyyh yavlenij v ekonomike Rossii. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta MVD Rossii*, 3 (11), 103–104.
- Kabanov, P. A., Rajkov, G. I., Chirkov, D. K. (2008). *Politicheskaya korrupciya v usloviyah reformirovaniya rossijskoj gosudarstvennosti na rubezhe vekov: monografiya*. Moscow: Izdatel'stvo «Druzhba narodov».
- Kitova, D. A. (2020). Psihologo-pravovye osobennosti otnosheniya k korrupcii studentov iz razlichnyh rossijskih regionov. *Nauchnye trudy Moskovskogo gumanitarnogo universiteta*, 5, 76–91. <https://doi.org/10.17805/trudy.2020.5.9>
- Kuplenskij, A. A., Petelina, L. V. (1997). Psihologiya korrupcii. *Psihopedagogika v pravoohranitel'nyh organah*, 2 (6), 59–61.
- Loskutov, V. A. (2006). *Postsovet'skij totalitarizm: "yakornye stoyanki" rossijskoj vlasti*. Ekaterinburg: Ural'skaya akad. gos. sluzhby.
- Matvejchev, O. A., Akopyan, A. (2018). *Mify o korrupcii: monografiya*. Moscow: Knizhnyj mir.
- Mel'nik, A. S., Stebeneva, E. V. (2018). Preduprezhdenie prestuplenij korrupcionnoj napravlenosti s uchetom osobennostej lichnosti korrupcionera. V N. A. Korsikova (sost.), *Sistema profilaktiki prestupnosti: sovremennoe sostoyanie, problemy i perspektivy razvitiya: materialy mezhdedomstvennogo Kruglogo stola* (g. Sankt-Peterburg, 26 oktyabrya 2018 g., str. 179–183). Saint Petersburg: Sankt-Peterburgskij universitet MVD Rossii.
- Mel'nichuk, T. V. (2013). Kriminogennyj potencial postindustrial'nogo obshchestva: analiz riskov. *Vserossijskij kriminologicheskij zhurnal*, 4, 155–162.
- Noel'-Nojman, E. (1996). *Obshchestvennoe mnenie. Otkrytie spirali molchaniya* (per. s nem.) Moscow: Progress: Ves' Mir.
- Ovcharov, A. S. (2003). *Korrupciya v sisteme tenevyyh ekonomicheskikh otnoshenij: avtoref. ... kand. ekon. nauk*. Volgograd.
- Ovchinskij, A. S., Chebotareva, S. O. (2008). *Matrica prestupnosti*. Moscow: Norma.
- Osipov, G. V., Karepova, S. G., Klimovickij, S. V. i dr. (2019). *Korrupciya kak social'nyj fenomen: sociologicheskie, social'no-psihologicheskie i ekonomicheskie aspekty analiza: kollektivnaya monografiya*. Moscow, Saint Petersburg: Nestor-Istoriya.
- Reshetnikov, M. M. (2023). *Psihologiya korrupcii. Utopiya i antiutopiya: monografiya*, 2-e izd. Moscow: Yurajt.
- Rouz-Akkerman, S. (2003). *Korrupciya i gosudarstvo. Prichiny, sledstviya, reformy* (per. s angl. O. A. Alyakrinskogo). Moscow: Logos.
- Satarov, G. A. (red.) (2013). *Rossijskaya korrupciya: uroven', struktura, dinamika: opyt sociologicheskogo analiza*. Moscow: Fond «Liberal'naya Missiya».
- Simonenko, A. V., Gribanov, E. V. (2017). Ugolovnaya politika i kul'tura protivodejstviya prestupnosti v Rossii: sostoyanie i perspektivy. *Obshchestvo i pravo*, 3 (61), 10–16.
- Stebeneva, E. V. (2011). *Sotrudnik organov vnutrennih del kak special'nyj sub'ekt korrupcionnyh prestuplenij: ugolovno-pravovye i kriminologicheskie aspekty: dis. ... kand. jurid. nauk*. Saint Petersburg.
- Strong, T., Lok, E. (2021). *Kak ustroena matrica? Social'noe konstruirovanie real'nosti: teoriya i praktika. Seriya «Obraz obshchestva»* (per. s angl. D. V. Onegov, A. V. Zinder, K. M. Zinder, A. Mirzoyanc). Elektronnaya kniga: AO «VCIOM». URL: <https://www.litres.ru/book/tom-strong-31686513/kak-ustroena-matrica-socialnoe-konstruirovanie-realnos-66877138/chitat-onlayn/page-5/>
- Suhonos, S. I. (2014). *Kn. 2: Matrica social'nogo razvitiya*. Moscow: Del'fis.
- Ukolova, D. V., Simonova, O. A. (2015). 2015. 01. 015. Aspers P., Godar F. Sociologiya mody: poryadok i izmenenie. Aspers R., Godart F. *Sociology of fashion: order and change // annual rev. of sociology*. – Palo Alto (Ca), 2013. – Vol. 39. – p. 171–192. *Social'nye i gumanitarnye nauki. Otechestvennaya i zarubezhnaya literatura. Ser. 11, Sociologiya: Referativnyj zhurnal*, 1, 129–138.
- Fromm, E. (2004). *Imet' ili byt'? Radi lyubvi k zhizni* (per. N. I. Vojskunsкая). Moscow: Aïris-Press.
- Fromm, E. (1986). *Imet' ili byt'* (per. s angl. N. I. Vojskunskoj, I. I. Kamenkovich). Moscow: Progress.
- Fromm, E. (2019). *Zdorovoe obshchestvo* (per. s angl. T. V. Banketovoj, S. V. Karpushinoj). Moscow: AST.
- Curikov, A., Curikov, V. (2007). Ekonomicheskij podhod k analizu korystnyh prestuplenij. *Voprosy ekonomiki*, 1, 45–54. <https://doi.org/10.32609/0042-8736-2007-1-45-54>
- Chernysheva, E. V. (2018). *Psihologiya korrupcionnogo povedeniya: monografiya*. Ekaterinburg: Ural'skij juridicheskij institut MVD Rossii.

- Shestakov, D. A. (2011). *Vvedenie v kriminologiyu zakona*. Saint Petersburg: Yuridicheskij centr Press.
- Becker, G. S. (2009). *Human Capital: A Theoretical and Empirical Analysis, with Special Reference to Education*. Edition: 3. University of Chicago Press.
- Kammigan, I. (2023). Reflecting on the Interaction of Self-Control and Morality in Situational Action Theory: Comparing Absolute and Relative Effects of Self-control in 28 Countries. *J Quant Criminol*, 39, 465–493 (2023). <https://doi.org/10.1007/s10940-022-09541-0>
- Ekelund, R. B., & Tollison, R. D. (1981). *Mercantilism as a Rent-seeking Society: Economic Regulation in Historical Perspective*. College Station, Tex.: Texas A&M University Press.
- Zargar, Y., & Sarani, F. (2021). Socio-political Perfectionism: A Cross-cultural Study. *Journal of Modern Psychology*, 1 (4), 9–21. <https://doi.org/10.22034/jmp.2022.324954.1026>

Информация об авторе:

Елена Викторовна Стебенева – докторант научно-исследовательского отдела Санкт-Петербургского университета МВД России, кандидат юридических наук, доцент.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Поступила в редакцию 04.09.2023

Одобрена после рецензирования 29.09.2023

Опубликована 28.10.2023

About the authors

Elena V. Stebeneva – Doctoral student of the Research Department of the St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, candidate of Legal Sciences, Associate Professor.

The author declare no conflicts of interests.

Submitted September 04, 2023

Approved after reviewing September 29, 2023

Accepted October 28, 2023